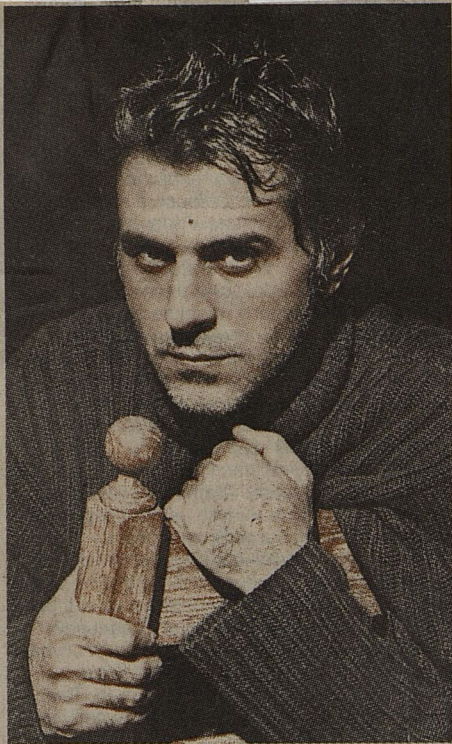

“я ушел из театра под шум выстрелов”

Мераб Нинидзе — Газете

*Газета - 2003 - 5
нояб. - с. 1, 8.*

В конце восьмидесятых Мераб Нинидзе, дебютировавший в «Покаянии» Тенгиза Абуладзе, считался самым многообещающим артистом грузинской сцены и кино. Но с развалом Советского Союза он уехал из страны одним из первых. Недавно Нинидзе увидели и в Москве — на Днях культуры Грузии Мераб Нинидзе сыграл Шейлока в спектакле «Венецианский купец» тбилисского театра «Театральный подвал». С Мерабом Нинидзе специально для Газеты встретила Майя Мамаладзе.

дух «Покаяния» ломал табу множества грузинских семей

Мераб, как вас нашли и пригласили в «Покаяние»?

Тогда я учился в Тбилисском институте театра и кино, на втором курсе. Пришли ассистенты Тенгиза Абуладзе к знакомым студентам с четвертого курса, а те привели

их к нам, семнадцатилетним. Честно говоря, я и не надеялся и не верил, что меня выберут из семидесяти претендентов, но именно меня затем вызвали на киностудию. На первой встрече с Абуладзе я так нервничал, что слова не мог сказать, в итоге перестарался, держал себя очень важно, на большой дистанции, но он что-то разглядел сквозь это мальчишеское волнение. Судьба моя, конечно, определилась после этого фильма, с семнадцати лет я снимаюсь постоянно, и кино — моя профессия, мой хлеб. ► СТР 08

“я ушел из театра под шум выстрелов”

Мераб Нинидзе — Газете

В эпопее про семейство, перебравшееся из фашистской Германии в Кению, «Нигде в Африке» грузин Мераб Нинидзе сыграл немецкого еврея (справа — его жена, которую сыграла Джулианна Кохлер)

01 СТР

А почему, помнится, я видела вас раньше?
В пятнадцать лет я играл принца Эдварда в знаменитом «Ричарде III» Стюру. И объездил с этим спектаклем весь мир.

А вы ожидали того эффекта, который произвел фильм «Покаяние»?
Нет, я тогда мало что осознал, был так наивен. А сами съемки не удовольствие мне доставляли, а мучили меня, такой требовали отдачи. Я и не подозревал, какое это трудное искусство — кино, как тяжело играть нюансы, я ведь только учился, приближался к профессии. Поэтому, пока снимался, был занят только своей ролью и не думал о фильме в целом. Хотя сценарий меня шокировал при прочтении. Его дух ломал табу множества грузинских семей, моей в том числе. Дедушка и бабушка до того мне ничего не рассказывали, так как страх пережитого был у них еще в крови. А бабушка была дочерью белого офицера, и хотя, слава Богу, никто у нас в семье не кончал с собой, как в фильме, но даже моя мать молодость провела в Сибири. Ломка этих табу очень повлияла на мое отношение к фильму и позитивно сказалась на становлении моей личности. Об успехе, таком огромном, в России, во всем Союзе, что люди пойдут миллионами на него в кинозалы, я и догадаться не мог.

А когда это случилось, какие были ощущения?
Ну, приятно... не то слово, ведь сначала был скандал, фильм не пускали, незаконные кассеты с ним распространяли втихую, милиция следила и отлавливала тех, кто это делал, и никто представить себе не мог, что через три месяца фильм выйдет на экраны. Шеварднадзе очень умно сыграл с «Покаянием», ведь он его финансировал, работая тогда уже в Москве, и, думаю, он уже знал о том, что погода скоро переменится, знал, что очень скоро такой фильм станет нужен. А для грузинского кино было очень важно, что мы получили специальный приз жюри в Каннах. Я не шеваарднадзист, вообще далек от политики, но среди эпизодов биографии Шеварднадзе, а знаете, грузины недовольны многими из них, этот — самый позитивный.

У кого вы учились в театральном институте?
У Гизо Жордания, это был выдающийся педагог своего времени. Сейчас он ставит в Батумском театре, не преподает. И наш курс, двенадцать человек из него, приняли в труппу Театра Руставели. Стюра решил влить свежую кровь в театр, но при этом не ломать нас, а отдать нам Малую сцену, чтобы мы играли на ней три последних наших дипломных спектакля, классику театра восьмидесятых: «Мачеху Саманишвили», «Дневник Анны Франк», «Завтра была война». Первые три года это был наш звездный час, у нас был всегда полный зал, мы в Москву на гастроли с этими спектаклями ездили. И все это закончилось «Гамлетом» в постановке Жордания, но нам уже и не пришлось его играть долго, хотя мы планировали и в Москву, и в Лондон его повезти, но это был девяносто второй год...

Кто главную роль играл?
Я, как это ни нескромно. Так, при шуме выстрелов с этой ролью и ушел из театра. Шла гражданская война, люди сидели без масла, сахара, воды, в темноте, и никто и не думал о театре.

Много приглашали вас сниматься после «Покаяния»?
Потом я снялся в двадцати грузинских фильмах.

сцена не то место, где можно сказать что-то альтернативное страху

С 1995-го вы живете и работаете в Вене.
Это тоже связано с «Гамлетом», потому что в Тбилиси приехали австрийские документалисты, мой брат, сейчас он кинопродюсер, показывал им город и предложил пойти вечером на премьеру. Они снимали фильм о Тбилиси, импровизированный, и решили вставить туда несколько сцен из спектакля.

А как их занесло в Грузию?
Режиссер выиграл приз грузинской киношколы во Франции на фестивале короткометражных фильмов.

Она там имеет собственный приз?
Имела, а сейчас не знаю, тогда грузинское кино было активнее, снималось много фильмов. И этот приз включал в себя условие, что выигравший мог приехать на три недели в Грузию и снять фильм. И вот режиссер приехал и снял двадцатиминутный фильм, мы с ним очень подружились, и че-

газета *Гарета*

покаялся и уехал

Мераб Нинидзе родился в 1965 году. Учился в Тбилисском институте театра и кино. Дебютировал в кино в самом громком перестроечном советском фильме «Покаяние» (1984 год). В фильме Абуладзе он сыграл роль Торнике, внука антигероя фильма диктатора Варлама Аравидзе. Фатальную жертву грехов собственного деда. Еще раньше Нинидзе дебютировал в театре в знаменитом «Ричарде III» Роберта Стюруа (1980 год). В конце восьмидесятых был ведущим актером Малой сцены Театра им. Шота Руставели. Снялся в более чем двадцати фильмах. В 1992 году уехал на Запад. С 1995 года живет и работает в Вене. Ныне постоянно действующее лицо немецкоязычного кинематографа Австрии и Германии. Самые заметные роли последних лет — в фильмах «Лунный папа» Бахтияра Худойназарова (1999 год) и «Нигде в Африке» Каролин Линк (последняя лента, вышедшая в 2001 году, удостоена премии «Оскар» как «лучший иностранный фильм» в 2003 году), где Нинидзе сыграл еврея Вальтера Редлиха, эмигрировавшего из нацистской Германии.

рез шесть месяцев он вернулся и стал снимать серьезный фильм о людях в Тбилиси. Как раз начался развал Союза, и он брал интервью на улицах, люди говорили, как они рады свободе, отчего рады, они сами не знали, но все очень радовались. Буквально через четыре месяца у них отняли эту радость, и началась война, на площади Руставели стояли танки, взрывались бомбы, людей убивали на улицах, и главное — грузины грузин убивали, никакого врага извне, который пришел их захватить, не было. Эта энергетика безумия нас так поразила, и меня тоже, на второй части я стал сорежиссером фильма, нами были засняты битвы, например захват телевидения бандитами, разные перестрелки. Так началось мое отчуждение от профессии, мне показалось, что сцена не то место, где можно что-то сказать альтернативное общему страху. А все чего-то боялись, сидели в темноте, пропала нормальная каждодневная грузинская жизнь, даже петь перестали. Мне показалось — мы попали под каблук, нас давят. Я уехал и пять месяцев в Австрии монтировал фильм, зарабатывал деньги и посылал их в Грузию. Это кормило мою семью, и я очень горд этим. А друзья мне говорили, надо быть на родной земле, играть на родном языке, и во мне самом жил постсоветский страх, что придет диктатор на пятьдесят лет и я никогда не увижу Грузию, а фильмах с моим участием положат на полку, а из журналов вырежут имя. Но я не вернулся и не жалею, потому что в Вене получил важный и интересный опыт. Я не знаю, что было бы со мной в Лондоне, где я прожил весь 1993 год, занимаясь театром.

в Австрии я снялся буквально у каждого

Немецкий фильм «Нигде в Африке», в котором вы сыграли главную роль, получил «Оскара» в 2003-м, теперь вы стали оскароносцем, и все же я спрошу, как вы ощущаете: вы достаточно ангажированы на Западе? Вы считаете успешным ваше положение?
Считаю успешным, потому что мне приходится постоянно работать. В Австрии достаточно узкий круг кинематографистов, я снялся буквально у каждого, чуть ли не во всех фильмах, иногда в маленькой роли, эпизоде, на черт знает каких, даже придуманных, языках. Сейчас меня уже не зовут, потому что я снимаюсь в Германии. Это считается большим успехом, там рынок больше и денег крутится больше. Австрийские фильмы собирают зал в Германии только на арт-хаус, а «Нигде в Африке» смотрели шесть миллионов зрителей, тогда как в Австрии живет всего пять миллионов. В Австрии снимается пять-шесть кинопроектов в год, в Германии — пятьдесят-шестьдесят.

Как вас пригласили на фильм «Нигде в Африке»? Вы до того были знакомы с режиссером?
Каролин Линк пользуется в Германии огромным уважением, ее просто обожают, считают, что она спасает немецкое кино, выполняет миссию вернуть ему славу времен Фассбиндера, Херцога. И уже начинается второе дыхание, появились и молодые режиссеры, Том Тыквер тот же. Мы с Линк не были знакомы. Началось с того, что я сыграл в одном австрийском фильме сербского солдата, который возвращается домой в Вену после войны, на которую случайно попал. Этот фильм побывал на мно-

гих фестивалях, через него я познакомился и с Бахтияром Худойназаровым, и в проект «Лунный папа», это же была копродукция, меня предложила австрийская сторона. У «Лунного папы» тоже был огромный успех в Германии, люди полюбили этот фильм, и те, кто занимается профессиональным кастингом, записали мое имя. Так вот, приходит в мое агентство факс (уже пять лет, как у меня появился собственный агент) с приглашением на эту роль. А персонаж — немецкий еврей, который ощущает себя в большой степени немцем, но моя непохожесть на немца и была основной причиной того, почему меня позвали на эту роль. Прислали на пробу текст, шесть страниц на высочайшем немецком языке. Я звоню своему агенту и говорю: «Это ошибка. Что же мне, в школу обратно идти? У меня не получится без акцента говорить». А она мне: помни, что это Каролин Линк, миллионы выделены на этот проект, и вся страна его ожидает. Я почувствовал себя в тисках ответственности, легче сняться в сериале, чем из nobody становиться somebody. И спросит, отчего он, а не наш, немецкий артист...

Такие вопросы возможны?
И они были заданы — на первоначальной пресс-конференции, еще до съемок. Линк ответила, что все немецкие актеры, которые проходили кастинг, читая текст о том, как у них убили родителей, как они видели взрывы синагог, как они чувствуют себя немцами, а не евреями, как они несчастны, начинали безумно наигрывать. А этот пришел, сел и просто стал говорить, только в глаза партнеру не смотрел. Она сказала: «Я подумала, когда у человека столь сильное переживание, наверное, он не кричит, не впадает в пафос, и я ему поверила». В фильме меня переозвучили, ведь это — экранизация книги, и по ней у меня не должно быть акцента. Во всех своих предыдущих фильмах я говорю сам, не немец вообще не услышит мой акцент. Здесь оставили мой голос только в эпизодах, когда я говорю на английском и на кисуэле (одно из кенийских наречий. — Газета), и я не могу к этому относиться равнодушно. Мне это кажется неполноценным, словно одну половину твою убрали, а другую оставили. Иногда дыхание говорит больше, чем слово, и, когда оставляют твоё лицо, а дышит какой-то другой человек, и у него не твой голос, — я в первый раз понял, как это больно актеру на самом деле.

лучше я поеду в Грузию и буду играть Шекспира на родном языке

И каким же образом вы очутились в тбилисском «Театральном подвале» и играете там Шейлока?
Мы с режиссером «Венецианского купца» Леваном Цуладзе учились на одном курсе, через два года он ушел на режиссерский к Мише Туманишвили. В таком возрасте мы были вместе, что, даже если потом прожить полжизни, человеческие отношения, пережитые в этот период, остаются незабываемыми. То, что с тобой происходит в шестнадцать лет, жизнь тебе в будущем больше не predлагает, после все чувства уже затоптаны. Леван в 1993-м хотел поставить со мной «Войцека», но в тот период я уезжал и резко рвал планы, которые меня могли связать с Грузией. В прошлом году, когда я приезжал домой трижды, то понял, что пора здесь своим делом заниматься, иначе нет смысла приезжать. А то все друзья ко мне приходят, происходит праздник, общий фейерверк, много пьем, говорим, у них здесь свое дело, а я гость. Я понял, что пора перевести на язык искусства все то, что я пережил, что со мной произошло, что я накопил. Я чувствовал, что и как актеру, и как человеку мне есть что сказать. И пообещал Левану: «Ты ставь со мной что хочешь и когда хочешь, я не буду сниматься, сделаю перерыв на пять месяцев, и мы это сделаем». Уже не надо было крутиться по поводу своей кинокарьеры, она шла сама собой, от глупых сценариев могу отказаться, если нужно, меня могли подождать месяц-другой, и лучше я поеду в Грузию и буду играть Шекспира на родном языке. Я люблю и кино, и театр, считаю, они разные, но они могут научить много чему хорошему друг друга, и вот сейчас я хочу играть на сцене на грузинском. Мое агентство было недовольно мной, решило, что я ненормальный, но его мнение мне было неважно. А сейчас они уже довольны.

А кто и почему додумался придать ярко выраженный национальный колорит роли Шейлока, ведь вы сыграли еврея в большей степени и лучше, чем это мог бы сыграть сам еврей.
Ну, это серьезная похвала, а получилось — так, интуитивно. Интеллектуально мы не ставили такую задачу, мы хотели показать его оригинальные индивидуальные

качества, и главным для нас было не представлять Шейлока мерзким старикашкой. Прорыв в интерпретации роли у меня произошел, когда я встретился с раввином, мне именно ему хотелось задать вопросы: почему вместо денег возникло мясо, и человеческое, что такое странное ростовщичество значит.

А где вы с ним встречались?
Это был раввин тбилисской синагоги, очень молодой, и принял он меня дома. Он знал эту пьесу и очень иронически комментировал, что поворот сюжета с евреем-ростовщиком сродни той древней страшилке, будто евреи убивают новорожденных христианских младенцев и на их крови пекут мацу. Раввин сказал мне также, что этот типаж совершенно нерелигиозен, если бы он был религиозным евреем, то никогда не давал бы денег в рост. Исторически евреи того времени в Венеции жили в гетто и давали деньги в долг, чтобы их сохранить, и были очень унижены и ограничены в правах. Этот разговор с раввином развязал мою фантазию и придал мне смелости достаточно вольно поступать в этой роли. Мы с Леваном решили сделать его и эксцентричным, и человеческим одновременно, придумали эту немного паучью походку. Он экстравагантен, возможен, чересчур любит дочь. Я подумал, пусть и эта близость отца и дочери будет большей, более подчеркнутой, чем обычно, потому что Шейлок один, окружен ненавистью, никого у него на свете нет, кроме Джессики, а у нее нет матери, она заперта в доме. Нас за это даже упрекали, угладели в этом момент инцеста...

Ничего подобного я не увидела, это игралось действительно с той нежностью, которой еврейские отцы любят своих детей.
И с тем, что я видел, это совпадало, а у меня много друзей евреев и за границей, и дома.

у меня сейчас еврейская фаза в творчестве

И в «Нигде в Африке» вы сыграли еврея.
Да, вот у меня сейчас еврейская фаза в творчестве. Еще мне не хотелось его играть стариком, все в пьесе говорят о нем «старик», и я подумал, может быть, не он стар, а душа у него старая от постоянных унижений, он ранен в сердце, и поэтому в отместку тоже хочет ранить Антонию в сердце. Замечательная грузинская рок-певица Нино Катамадзе, человек очень эмоциональный, пришла к нам на репетицию, потому что очень любит театр, и это была как раз сцена суда, она подбегала ко мне потом и сказала: «Мне кажется, у него невыносимо болит сердце, и всякий раз, когда ты говоришь «сердце, сердце», ты можешь выпевать это слово, как в песне». И так она мне подарила еще один ключ к этой роли.

Когда смотришь ваш спектакль, то кажется, что есть еврейская мафия и итальянская мафия, как реально это противостояние имело место в Америке, и накатывают воспоминания из кино. Про вас сказали, что вы похожи на Аль Пачино.
Спасибо.

Была такая идея показать разделение рода властными финансовыми структурами? И что вы скажете насчет момента, когда на суде Шейлок безрелигиозно поднимает четки, выпавшие из рук дряхлого дожа?
Да, конечно, есть коррумпированные команды Антонию и Шейлока. Моей задачей на суде было показать ощущения человека, которого постоянно унижают то из-за его веры, то из-за размера носа. В этой ситуации он считает, что прав и что он выигрывает это дело. И он может позволить себе показать: со мной так поступили, я вам отвратителен, так меня от вас тоже тошнит. Он чувствует себя как в театре, он на людях, он немного безумен в этой картине. Пока он думает, что закон на его стороне, этим жестом, очень театральным, показывает — сейчас мне на вас наплевать, я здесь ожидаю правосудия, в принципе вы мне тоже ненавистны все, честно сказать.

Чем думаете заниматься дальше?
Огромный стресс для меня летать туда-сюда, существовать в разных реальностях, говорить на стольких языках, быть в контексте культур разных. Сейчас буду полтора месяца в Мюнхене, меня пригласили в немецкий фильм к Роланду Сузо Рихтеру, я с ним ранее никогда не работал, но его весьма ценят, считают очень серьезным режиссером. И буду играть в театре.

Было трудно возвращаться в театр, не было паники, что вы забыли сцену, полностью стали киноартистом?
Ничего драматичного не было, оказывается, это не так легко забыть, если ты уже когда-то твердо стоял на сцене.